

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. С. ГУРЕВИЧ

ОЧЕРК ГРАММАТИКИ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
III—V вв.

(по переводам на китайский язык
произведений буддийской литературы)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

4И (Кит.)
Г95

Ответственный редактор
С. Е. Яхонтов

"Очерк" посвящен описанию грамматики китайского языка III–У вв. — периода, называемого в исследованиях по истории китайского языка переходным от древнекитайского к среднекитайскому.

Основным материалом, на базе которого написана работа, являются сутры, переведенные на китайский язык в III–У вв. и записанные языком, близким к разговорному. В качестве дополнительных источников используются оригинальные китайские произведения того периода.

Г 0714-2001 222 - 73
042(02)-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1974.

В В Е Д Е Н И Е

Предлагаемая работа представляет собой описание основных грамматических особенностей китайского языка III–У веков н.э.

Большинство исследователей, занимающихся историей китайского языка, как правило, либо обходят этот период молчанием, либо упоминают о нем вскользь, называя его "переходным" периодом. Вообще вопрос о периодизации истории китайского языка очень сложен и еще не решен окончательно. Так, проф. Ван Ли в "Опыте истории китайского языка"¹ предлагает выделить следующие периоды в истории китайского языка:

I. До III в.н.э. — древнекитайский язык (上古汉语 шангу ханьи); III–У вв. — переходный период от древнекитайского к среднекитайскому языку.

II. С IV по XI вв. (до первой половины правления династии Южной Сун) — среднекитайский язык (中古汉语 чжунгу ханьи); XII–XIII вв. — переходный период от среднекитайского к новокитайскому языку.

III. С XIII по XIX вв. (до опиумных войн) — новокитайский язык (近现代汉语 цзиньдай ханьи); 1840 г. — 1919 г. "4 мая" — переходный период от новокитайского к современному китайскому языку.

IV. XX в. (начиная с "движения 4 мая" 1919 г.) — современный китайский язык (现代汉语 сянъдай ханьи).

I 王力, 汉语史稿, 上、中、下册, 北京, 1957,
上册, стр.32-35 (далее: Ван Ли, Опыт истории ...).

Основной критерий предложенной им периодизации Ван Ли видит в изменениях, происходящих в грамматическом строе языка, куда автор включает также фонетику. Так, первый период (древнекитайский язык) характеризуется отсутствием именной связки 是 ши, постановкой местоименного дополнения в отрицательном и вопросительном предложениях перед глаголом, а также существованием двух разновидностей "входящего" тона (入声 ху шэн). Второй период (среднекитайский язык) характеризуется появлением связки ши, результативной конструкции и конструкции с вынесенным дополнением, суффиксов 兒 эр, 子 цинь, 女 ляо, 从 чжас и "падающего" тона (去声 ци шэн). Для третьего периода (новокитайский язык) характерно исчезновение в северном диалекте "мутных" согласных (濁声 чжо шэн му), рифмы с конечным - ш и "входящего" тона. Наконец, четвертый период (современный язык) характеризуется влиянием грамматики западных (европейских) языков, а также появлением в большом количестве многосложных слов.

Масперо² предлагает свою периодизацию истории китайского языка, которая несколько отличается от той, что дана проф. Ван Ли.

А. Масперо делит всю историю китайского языка на три больших периода; внутри каждого из больших периодов он намечает по два "подпериода" – ранний и поздний. Периодизация Масперо выглядит так:

I. Древнекитайский язык (Chinois archaïque)

- а ранний (ancient): Классический древнекитайский язык (Antiquité);
- б поздний (recent): Китайский язык эпохи Хань и Троесцарства (Han et Trois Royaumes)..

² См. H. Maspero, Le dialecte de Tch'ang-ngan sous les T'ang, – BEFEO, Hanoi, 1920, стр.IO-II.

П. Среднекитайский язык (Chinois moyen)

- а ранний (ancient): Язык эпохи Лю чао и начала Тан (Six Dynasties et début des T'ang);
- б поздний (recent): Язык конца династии Тан и династии Сун (fin des T'ang et Song).

Ш. Современный китайский язык (Chinois moderne)

- а ранний (ancient): Язык периода династий Цзинь, Хань и начала Мин (Kin, Yuan, et début des Ming);
- б поздний (recent): Язык периода конца династии Мин и династии Цин (fin des Ming, Ts'ing).

Если сравнить периодизацию, которую предлагает А. Масперо, с периодизацией, данной проф. Ван Ли, то можно заметить, что расхождения между ними не очень серьезные; просто периодизация Масперо более дробная. Так, период, который Масперо называет "древнекитайским языком" (chinois archaïque), охватывает китайский язык до конца III века н.э. Это в общем соответствует первому периоду (шангу хань) у Ван Ли. Различие заключается в том, что Масперо внутри этого периода выделяет еще два "подпериода": первый – до эпохи Хань, т.е. до III в. до н.э.; второй – с III века до н.э. по III век н.э. То, что Масперо называет "среднекитайским языком" (chinois moyen), в общем соответствует второму периоду у Ван Ли (чжунту хань). У обоих авторов этот период охватывает языки IV–XII веков. Но у Масперо указаны еще и "подпериоды": первый охватывает язык IV–VIII (или IX) веков, второй IX–XII веков. Наконец, язык, который назван у Масперо "современным китайским" (chinois moderne), охватывает период с XII века по первое десятилетие XX века, т.е. несколько больший отрезок времени, чем "новокитайский" (цзиньдай хань) у Ван Ли, так как последний Ван Ли ограничил периодом "опиумных войн". Иными словами, третий период, по Масперо, охватывает период, который у Ван Ли называется "новокитайским", плюс еще язык того небольшого отрезка времени (с периода опиумных войн до "4 мая" 1919), который Ван Ли называет "пере-

ходним от новокитайского к современному китайскому языку³.

Таким образом, периодизация истории китайского языка, которую дал Масперо, основываясь исключительно на фонетических изменениях в языке, по сути дела, мало отличается от периодизации проф. Ван Ли, основанной, по словам автора, на изменениях в грамматическом строе языка, с учетом того, что фонетика включается в последний.

Что касается интересующего нас периода в истории китайского языка, т.е. китайского языка III–V веков н.э., то ни в периодизации Ван Ли, ни в периодизации Масперо он не выделяется в отдельный этап. Ван Ли считает его переходным периодом от древнекитайского к среднекитайскому. По периодизации Масперо, язык III века н.э. отнесен к первому периоду, т.е. к древнекитайскому языку, а язык IV–V веков н.э. составляет первый подпериод среднекитайского языка и рассматривается вместе с языком первой половины династии Тан.

Однако, независимо от того места, которое отводится интересующему нас периоду различными авторами, язык III–V веков н.э., в котором, как указывает – в частности – проф. Ван Ли, появляется ряд новых служебных слов и грамматических конструкций (например, связка ши, результативная конструкция и т.д.), несомненно представляет интерес для истории китайского языка и заслуживает детального изучения.

В лингвистической литературе по истории китайского языка существует довольно много исследований, посвященных грамматике классического древнекитайского языка; здесь следует прежде всего указать книгу Добсона "Китайский язык эпохи Поздней Хань" и книгу С.Е.Яхонтова "Древнекитайский язык"⁴, в последнее время появляются специальные работы, в

³ Четвертый период по Ван Ли, т.е. "современный китайский язык" (сяньдай ханьш), не имеет соответствия у Масперо; но при этом следует учесть, что работа, в которой Масперо дает свою периодизацию, написана до 1920 г.

⁴ W.A.C.H.Dobson, Late Han Chinese. A Study of the Archaic Han Shift, Toronto, 1964 (далее: Dobson ...);

которых рассматриваются грамматические особенности среднекитайского языка⁵. Что же касается языка, который лежит между классическим древнекитайским (у в. до н.э. – II в.н.э.) и среднекитайским языком (III–XIV вв.), то он остается фактически не исследованным. Имеются статьи, правда, их тоже немного, – китайских лингвистов, в которых рассматриваются частные вопросы грамматического строя китайского языка интересующего нас времени⁶.

С.Е.Яхонтов, Древнекитайский язык, М., 1965 (далее: Яхонтов, Древнекитайский ...). Из этой работы мною заимствованы все характеристики древнекитайского языка.

⁵ И.Т.Зограф, Грамматические особенности китайского языка III–XIV вв. (по памятнику "Цзинь бэнъ тунсу сяошо"), канд. дисс., Л., 1962; И.Т.Зограф, Очерк грамматики среднекитайского языка, М., 1962; И.Т.Зограф, Бянъвэнъ о воздаянии за милости (рукопись из дуньхуанского фонда Института востоковедения), часть 2. Грамматический очерк и словарь, М., 1972; М.В.Софронов, Сложные глаголы в языке романа "Шуйхучжуань", канд. дисс., М., 1958 (далее: Софронов, Сложные глаголы ...); М.В.Софронов, Принципы глагольного словообразования в языке романа "Шуйхучжуань", – "Советское востоковедение", 1957, № 3, стр. 160–169 (далее: Софронов, Принципы глагольного словообразования ...); G.Kallgren, Studies in Sung Time Colloquial Chinese as Revealed in Chu Hi's ts"маншу, Stockholm, 1958; Н.Масрево, Sur quelques textes anciens de chinois parlé, – BEFEO, Hanoi, 1914 (далее: Н.Масрево, Sur quelques textes ...).

⁶ 祝敏澈, 先秦兩漢時期的動詞補語, "語言學論丛", 第二輯, 上海, 1958, стр. 17–31;

劉世儒, 論魏晉南北朝的量詞, – "中國語文", 1959, № II, стр. 528–535 (далее: Лю Ши-ху, О счетных словах ...); 劉世儒, 被動式的起源, – "語文學習", 1956, № 8, стр. 32–33 (далее: Лю Ши-ху, Страдательная конструкция ...); 李行健, 世說新語中副詞"都"和"了"用法的比較, – "語言學論丛", 第二輯, 上海,

Отдельные весьма полезные замечания, относящиеся к тому или иному грамматическому явлению в китайском языке рассматриваемого периода, имеются в общих исследованиях: в "Опыте истории китайского языка" Ван Ли, "Грамматике китайского языка" Гао Мин-кай⁷, в "Грамматике китайского языка" Лю Цзин-нуна⁸, а также в "Сборнике статей по грамматике китайского языка" Лий Шу-сяна⁹.

Основным источником для настоящего исследования послужил ряд переводов на китайский язык сюжетных произведений буддийской литературы¹⁰.

x x
x

Для работы полностью обследованы тексты сутры "Бай ий цзин" (перевод выполнен в 492 году)¹¹ и сутры "О царевиче

I958, стр.73-84 (далее: Ли Син-цзянь, наречие "ду" ...); 王力, 中國文法中的繫詞, —“漢語史論文集”, 北京, I958 (далее: Ван Ли, Связка в грамматике ...); 楊伯峻, 从漢語史的角度來鑒定中國古籍寫作年代的一個實例, “列子”著述年代考, —“新建設”, I957, 頁7, стр.38-47.

7 高名豎, 漢語語法論, 上海, I957 (далее: Гао Мин-кай, Грамматика китайского языка).

8 列系農, 漢語文言語法, 上海, I958 (далее: Лю Цзин-нун, Грамматика ...).

9 吳叔湘, 漢語語法論文集, 北京, I955 (далее: Лий Шу-сян, Сборник статей ...).

10 А.Масперо в статье, посвященной выяснению особенностей старого разговорного китайского языка (H.Maspero, Sur quelques textes ...), указывает, что наиболее полное представление о языке, на котором говорили в эпоху Тан, дают записи речей и бесед буддийских монахов школы dhyāna.

II 百喻經, цитируются по изданию 金陵刻經處, I914, с указанием цзюани (上 или 下) страницы (арабская цифра) и стороны (а" или "б").

Судане" (перевод выполнен в эпоху Западной Цинь, т.е. в период между 385 и 437 годами)¹². Другие тексты обследованы в отрывках, вошедших в книгу Чан Жень-ся "Избранные сюжеты из буддийской литературы"¹³, которые составитель отобрал, руководствуясь книгой Эдуарда Шаванна¹⁴. Таким образом, тексты, составившие книгу Чан Жень-ся, прошли как бы двойной отбор и могут считаться "классическими" сюжетами из произведений буддийской литературы, переведенных на китайский язык. В работе использованы те из отрывков, вошедших в книгу Чан Жень-ся, переводы которых выполнены не ранее династии У (222-280 гг.) и не позднее династии Юань-Вэй (385-534 гг.).

Как уже было указано выше, основной материал, на котором строится исследование, — это произведения, переведенные на китайский язык с других языков. В связи с этим, естественно, возникает необходимость дать хотя бы самые краткие сведения о проникновении в Китай буддизма, а также о людях, которые переводили буддийский канон на китайский язык¹⁵.

x x
x

О времени и пути проникновения буддизма в Китай созданы многочисленные легенды. Наиболее достоверной датой про-

12 太子須達尊經, а также отрывки из всех остальных сутр цитируются по изданию 大正新修大藏經, Токио, I924, с указанием тома (римская цифра), страницы (арабская цифра) и столбца (а, б, в).

13 常住使, 佛經文學故事選, 上海, I958

14 Edouard Chavannes, Cinq cent contes et apologues extraits du Tripitaka Chinois, v.I-IV, Paris, I934.

15 Основные сведения о проникновении буддизма в Китай и о переводчиках буддийской литературы на китайский язык взяты из книги: 湯用彤, 漢魏兩晉南北朝佛教史, 上、下冊, 北京, I955.

никновения буддизма в Китай является I век н.э. В памятнике, относящемся к концу династии Хань, – "Трактат, разрешающий сомнительные вопросы" (理惑論 Ли хо лунь), автор Му-цзы (牟子), уже встречается слово 浮圖 футу – наиболее ранняя транскрипция санскритского Buddha, т.е. Будда. В этом же произведении изложена легенда: она рассказывает о том, как император Мин-ди (明帝) увидел во сне святого (神人 шэнъ жэнъ) с золотым лицом, который летал по дворцу. Император созвал сановников для истолкования сна. Один из сановников, мудрец Фу И (傅毅) объяснил, что, по слухам, в государстве Тяньчжу (天竺), т.е. в Индии, есть человек, который "обрел путь", зовут его Будда. О нем говорят, будто он витает в пустоте, а тело его светится, как солнце. Вердикто, он и явился императору во сне. Эта легенда рассказывает о Будде как о современнике. Тогда император Мин-ди отправил на Запад посольство во главе с Чжан Цянем (張騫) которое должно было добить и привезти в Китай священные книги. Это было в годы Юн-пин (永平, 58–75 гг.) правления императора Мин-ди.

Существуют и другие легенды и варианты легенд. Что в них соответствует действительности, – точно определить трудно. Во всяком случае, знакомство Китая с буддизмом действительно произошло где-то на рубеже наций эры. Первоначально буддийских монахов не очень отличали от магов и волшебников. Положение изменилось к середине II века, ко времени правления императора Хуань-ди (桓帝).

К концу II века н.э. в Китае установились собственные течения, или школы переводчиков буддизма. Крупнейшими представителями этих течений были Ань Ши-гао (安世高) и Чжи Чань (支謙).

Ань Ши-гао – выходец из Парфии (Аниси), на что указывает и его фамилия¹⁶. Около 148 г. н.э. прибыл в Лоян и при-

нялся за переводы на китайский язык буддийской литературы. За период со 148 по 171 годы Ши-гао перевел свыше 30 сутр. По свидетельствам современников, это был весьма эрудированный человек: он изучил языки тех государств, которые лежали на его пути из Парфии в Китай, а также владел китайским языком в такой мере, что, зная буддийские сочинения, он мог излагать их общий смысл. Ань Ши-гао излагал по пунктам, записывали за ним его ученики и последователи – это уже были настоящие китайцы. Так создавалась переводческая традиция.

Современником Ши-гао был другой очень известный проповедник – Чжи Чань (полное имя 支謙 Чжилиоуцзячань), родом из Бактрии. Начал заниматься переводами в конце II века в Лояне.

Известен ряд имен китайцев, принадлежащих к этой школе переводчиков: Мэн Юань-ши (孟元世), Чжан Лянь (張蓮), Го Чжи (郭稚) и др. Они-то, вероятно, и давали окончательную китайскую версию перевода.

На раннем этапе развития буддизма в Китае теснейшим образом связывался с даосизмом и даосской магией. В ту пору буддизм воспринимали как одну из областей оккультных наук.

Только в последнее пятидесятилетие династии Хань, приблизительно со 150 года н.э. буддизм приобретает самостоятельное значение как философское учение и постепенно становится массовым явлением. Центром распространения буддизма стал район Лояна. В эпоху Троцарствия (222–280) к северному району распространения буддизма с центром в городе Лояне прибавился южный район с центром в городе Цзян'е, столице царства У (ныне Нанкин).

Наиболее известные переводчики этого времени: Чжи Цянь (支謙) – на севере и Кан Сэн-хуэй (康僧會) – на юге¹⁷.

быть либо в транскрипции, либо, если оно было значимо, переводилось на китайский язык, как, например, у Ань Ши-гао и Чжи Чаня.

¹⁶ Фамилии и имена буддийских монахов строились по определенной схеме: вместо фамилии обычно брался первый слог китайской транскрипции названия того государства, выходцем из которого был данный монах. Дальше шло имя: оно могло

быть либо в транскрипции, либо, если оно было значимо, переводилось на китайский язык, как, например, у Ань Ши-гао и Чжи Чаня.

¹⁷ Многие переводы, использованные в данной работе, принадлежат Чжи Цяню и Кан Сэн-хуэю.

Чжи Цянь (встречается также под именем Чжи Ю 支越 и Чжи Гун-мин 支共明) был по происхождению бактриец. Отец его Чжи Фа-ду (支法度) приехал из Бактрии в Китай в конце II века н.э. Он обратил в буддизм несколько сот человек, за что был пожалован придворным чином и зачислен в телохранители государя. Чжи Цянь родился в Китае; шести лет начал учиться, в тринадцать лет он уже читал на иностранных языках, всего изучил 6 иностранных языков. В последние годы династии Хань Чжи Цянь переехал на юг. Чжи Цянь сам выполнил ряд переводов; кроме того, он вносил поправки в переводы Чжи Чана и писал оригинальные произведения на китайском языке. В 229 году, когда Чжи Цянь был еще мирянином, правитель царства У, услыхав о его таланте, дал ему титул "боди" (博智) и назначил наставником наследного принца. Умер Чжи Цянь 60-ти лет от роду. Из переводов, принадлежащих Чжи Цянью, следует отметить произведения о жизни Будды. До нас дошло очень немного его переводов¹⁸.

Кан Сэн-хуэй – по происхождению согдиец, но предки его переселились из Согда в Индию. Когда Сэн-хуэй было десять лет, он лишился родителей. Став шраманом, Кан учился у последователей Ань Ши-гас. Кан Сэн-хуэй был совершенно "окитавившимся" чужеземцем. Блестяще владея китайским языком и стилем, Кан Сэн-хуэй являл прекрасный пример носителя двух культур – китайской и индийской. Есть даже подозрения, что сутра Ло ду цзи цзин (六度集經), которую считают переведенной Кан Сэн-хуэем, просто составлена им самим. Все переводы Кан Сэн-хуэя отличаются прекрасным китайским языком. Умер Кан Сэн-хуэй в 280 году.

В период династии Цзинь (265–419 гг.) наиболее значительной фигурой среди переводчиков был Чжу Фа-ху (竺法護).

¹⁸ Из текстов, использованных в данной работе, Чжи Цяню принадлежит перевод отрывка "О девятыицветном олене" из сутры 佛說九色鹿經 Фо то цзю сэ лу цзин. Чжи Цянь переводил также сутру "О царевиче Судане", но в данной работе используется другой перевод сутры.

Родители его, родом из Бактрии, жили в Дунъхуанском уезде. Восьми лет Фа-ху ушел от мира, наставником его был шраманиндус, поэтому Фа-ху взял себе фамилию Чжу (竺). Обладая прекрасной памятью, Фа-ху заучил наизусть много сутр. В поисках сутры Фан дэн цзин (方等經) он прошел 36 стран и, по свидетельствам современников, изучил языки этих стран. С большой коллекцией книг Фа-ху вернулся в Китай и переселился из Дунъхуана в Чанъань. По разным сведениям, он перевел от 150 до 210 произведений. Фа-ху, как и другие переводчики этого времени, переводил устно, а записывали его ученики. Переводы, выполненные Фа-ху, ближе к северной традиции, так как сам он был родом с севера и связан был с Лояном и Чанъанью.

В период Цзинь было осуществлено много переводов, создались новые школы переводчиков. В числе создателей новых школ такие крупные фигуры, как Ши Хуэй-кань (釋慧遠), Ши Дао-ань (釋道安).

Учителем и последователем Дао-аня был известный переводчик цзиньского периода Чжу Фо-нянь (竺佛念)¹⁹. Годы жизни 312–385. Он родился в Лянчжоу (涼州), с детства любил путешествовать, отличался большой наблюдательностью. Переводами он занимался в основном в Чанъани.

Переводчиком, снискавшим огромную известность и славу, был Кумараджива (鳩摩羅什). индус по национальности. Он родился в 343 (или 344) году в царстве Кучи (龜茲). Точных сведений о времени проникновения буддизма в Кучи нет, но несомненно, что во время западной Цзинь (265–317) влияние буддизма было там уже очень сильным.

Предки Кумараджива занимали в царстве Кучи высокие посты. Отец его – человек весьма обширных знаний, был государственным наставником. Семи лет Кумараджива постригся в монахи, девяти лет вышел победителем из состязания в споре, в котором участвовали самые знаменитые наставники.

¹⁹ Чжу Фо-няню принадлежит перевод сутры 出曜經 Чу яо цзин, отрывки из которой используются в работе.

Впоследствии Кумараджива посетил государство Кашгар (Kashgar) и пробыл там год. За это время он значительно пополнил запас своих знаний, в частности тщательно ознакомился с принципами построения жанра "вопросов и ответов" (问答 - вэнь-да) – очень распространенной формой построения буддийских произведений. Здесь же в Кашгаре Кумараджива изучил грамматику санскрита. После этого он в течение года жил в государстве Вэньсу (Wen-su). Имя известного проповедника и переводчика знали всюду.

По свидетельствам современников, посещавших в это время царство Кучи, буддизм был там в расцвете, а имя шрамана Кумарадживы было окружено славой.

В 401 году Кумараджива приехал в Чанъянь. Здесь прошли последние годы его жизни. Умер он в возрасте 70 лет в 413 году и был похоронен в храме Даши (大寺).

Кумараджива перевел много произведений²⁰. При этом качество его переводов было гораздо выше, чем у его предшественников. Современники писали о том, как выглядел процесс перевода у Кумарадживы: он смотрел в текст оригинала и говорил по-китайски, причем самые глубокие мысли он излагал доступным языком.

Кумарадживе принадлежат переводы таких известных сутр, как Фа хуа цзин (法華經), Цзинь ган цзин (金剛經), Вэймо цзин (魏摩經) и др.

Во второй половине У века известными шраманами-переводчиками были Тань Яо (廖曜) и Цзицзе (吉迦夜), они переводили совместно²¹.

Очень скучны сведения о переводе сутры Бай ий цзин: имя его Гунаврилхи (胡那哩); он выходец из Центральной Азии, ученик Сангхасены (尚僧斯那). В 479 году он

²⁰ Из текстов, переведенных Кумарадживой, в предлагаемой работе использованы отрывки из сутр 大莊嚴論經 Да чжуан ян лунь цзин и 雜寶論經 Цза бай цзин.

²¹ Им принадлежит перевод сутры 雜寶論經 Цза бай цзин, отрывки из которой использованы в работе.

прибыл в Нанкин, где в течение 492–495 гг. занимался переводами. Гунаврилхи перевел 3 сочинения, из которых сохранилось два: " Фо шо сибда цзин" (佛說須達經) и Бай ий цзин (перевод выполнен в 492 году). Умер Гунаврилхи в 502 году.

Приведенные выше данные, характеризующие наиболее известных переводчиков буддийского канона на китайский язык, помогают получить определенное представление о лицах, посвятивших себя этому труду.

Как правило, это были люди высокообразованные, прекрасно изучившие как китайскую культуру, так и культуру той страны или тех стран, из которых буддизм и буддийская литература шли в Китай. Особенно следует подчеркнуть, что все они, по отзывам современников, хорошо владели китайским языком и стилем.

Все переводы произведений буддийской литературы, которые использованы в данной работе, выполнены в период с III по V века (наиболее ранние переводы осуществлены при династии У, т.е. в 222–280 гг., наиболее поздний – перевод сутры "Бай ий цзин" – выполнен в 492 году).

Использованные в работе переводы представляют определенный интерес и как литературные произведения. Так, например, известно, какую высокую оценку дал в свое время Лу Синь сутре "Бай ий цзин", он восхищался меткостью и богатством народной мудрости, заключенной в притчах, составляющих эту сутру. (Кстати, заметим, что Лу Синь финансировал ксиографическое издание, по которому сутра "Бай ий цзин" цитируется в данной работе).

О популярности этой сутры свидетельствует, например, то, что в Китае был издан перевод на современный байхуа выбранных из этой сутры притч – "Новое толкование сутры Бай ий цзин"²². В краткой аннотации, которой издательство снабдило книжку, отмечается большая простота и образная выразительность, присущая языку перевода этого произведения на китайский язык.

²² 百喻經新釋, 上海, 1956.

Любопытна и другая книжка – "Сюжеты (по мотивам) сутры Бай ий цзин"²³. В отличие от первой, это не перевод, а, скорее, пересказ также на современный байхуа всех притч, составлявших "Бай ий цзин".

Обе книжки снабжены цветными иллюстрациями, причем интересно, что в первой из них персонажи притч изображены китайцами. Этот сам по себе мелкий факт лишний раз подчеркивает, что лучшие переводы на китайский язык произведений буддийской литературы как бы становились явлениями собственной китайской литературы.

Примеры из текста сутры "Бай ий цзин" использовались иногда китайскими лингвистами для иллюстрации некоторых грамматических явлений языка интересующего нас периода, например Гао Мин-каем в "Грамматике китайского языка".

Как уже отмечалось выше, в основу данной работы положено исследование памятников сюжетного характера. Тексты этих памятников содержат больше живой диалогической речи, поэтому они более других пригодны для изучения разговорного языка рассматриваемого периода.

Разумеется, язык переводов буддийских сутр, которые послужили материалом для нашего исследования, нельзя считать чисто разговорными²⁴. Однако можно утверждать, что язык

23 悅海曙, 百喻經故事, 上海, 1957.

24 Вообще решить вопрос о том, является ли язык того или иного памятника рассматриваемого периода целиком разговорным, или указать точно, где кончается разговорная часть и начинается иеразоворная, очень трудно и почти невозможно.

Хотя буддийская проповедь и велась изустно, но тексты проповедей записывались и, таким образом, становились фактом письменного языка. (Язык проповедей представляет собой ритмическую прозу!). Как известно, в Китае соотношение между письменным и устным китайским языком после эпохи Чжоу-Цинь очень усложнилось. Вот, что говорит по этому поводу проф. Лай Шу-сян: "... после эпохи Чжоу-Цинь произошел раз-

этих переводов ближе к разговорному языку, чем язык всех других памятников, созданных в этот период. Это объясняется в значительной степени тем, что на ранней стадии развития буддизма в Китае проповедники его видели свою основную задачу в том, чтобы привлечь к новому учению внимание широких масс. Поэтому, учитывая устный характер буддийской проповеди, когда собравшиеся должны были на слух воспринимать то, что говорил проповедник, – переводчики стремились максимально приблизить язык своих переводов к понятному народу разговорному языку того времени.

рыв между письменным и устным языком. Авторы в своих сочинениях постоянно стремились копировать письменный язык эпохи Чжоу-Цинь. Образовался так называемый 文言 вэнъянь "письменный литературный язык"... В течение двух тысяч лет сам вэнъянь тоже претерпел некоторые изменения. Смена эпох так или иначе оставила на нем свои наиболее заметные следы... Письменный язык эпохи Чжоу-Цинь сохранял еще определенную связь с устной речью, а потому на него накладывали свой отпечаток и смена эпох и территориальные различия ... К влиянию на язык смены эпох относились двояко. Одни всемерно подражали своим предшественникам ... Однако издавна были и другие авторы, которые относились более терпимо к влиянию устной речи на письменный язык. Они тоже следовали канонам вэнъяня, но все же, идя навстречу духу времени, вводили в письменный язык те или иные элементы устной речи ... Эту разновидность вэнъяня можно назвать "бульгарным вэнъянем" 胡俗文言 тунсу вэнъянь. Бульгарный вэнъянь, если он относительно сильно насыщен элементами живой речи, можно уже считать стилем разговорного языка. Это особенно отчетливо видно на литературном стиле записи речей, бесед и проповедей, начало которому положили буддийские монахи и который получил развитие в произведениях сунских и минских конфуцианцев". См. Лай Шу-сян, Очерк грамматики китайского языка, т. I, М., 1961, стр. 25-26 (далее: Лай Шу-сян, Очерк грамматики ...).

x x
x

В качестве дополнительного материала для данной работы использованы "Записки о поисках духов" Гань Бао²⁵ и "Новая книга рассказов о современниках" Лю И-цина²⁶.

Кроме того, для раздела "Счетные конструкции" привлечен также материал немного более позднего памятника "Записки о лоянских монастырях" Ян Сюань-чжи²⁷.

Указанные выше дополнительные источники привлекаются в первую очередь в тех случаях, когда основной материал дает

²⁵ Гань Бао (干寶) жил в начале Восточной Цзинь в уезде Синьцай. Точные даты жизни не известны. При императоре Дао-ди (317-323) был назначен официальным историографом. Созданная им книга "Записки о поисках духов" (搜神記 Сю шэн цзи) состоит из 20 глав. В данной работе цитируется по изданию 搜神記. 商務印書館, 上海, 1958 (далее: Сю).

²⁶ Лю И-цин (劉義慶) жил в 403-444 гг. Его произведение "Новая книга рассказов о современниках" (世說新語 Ши шу синь я), написанная в подражание несохранившемуся сочинению эпохи Хань "Рассказы о современниках" (世說 世說 Ши шу), относится к жанру "сюшо-записи" (筆記小説 би цзи сюшо). В книге собраны повествования о мелких событиях, относящихся ко времени от Восточной Хань до Восточной Цзинь. В данной работе цитируется по изданию: 諸子集成, 上海, 1954, т.УШ (далее: Ши шу).

²⁷ Ян Сюань-чжи (楊衒之) жил во времена династии Северной Вэй (396-535) в области Бэйпин (北平). Точные даты жизни не известны. Его произведение "Записки о лоянских монастырях" (洛陽伽藍記) было написано после 547 года. В 547 году Ян Сюань-чжи посетил Лоян и увидел развалины городских стен, руины дворцов, холмы и курганы вместо прежних храмов и пагод. Тогда Ян Сюань-чжи решил взяться за составление описания лоянских монастырей. В работе выдержки из "Записок о лоянских монастырях" цитируются по изданию: 洛陽伽藍記, 周祖謨校釋, 北京, 1958 (далее: Лоян).

- XVIII -

недостаточное количество примеров на то или иное грамматическое явление, либо когда примеры эти недостаточно четки и ясны.

Знакомство с грамматическими особенностями языка таких памятников, как "Записки о поисках духов", "Новая книга рассказов о современниках"²⁸, "Записки о лоянских монастырях", убеждает в том, что грамматические явления, зафиксированные в основном источнике, не являются специфическими для языка переводов произведений буддийской литературы, а встречаются также в других, небуддийских произведениях, относящихся к рассматриваемому периоду. Это дает право сказать, что те основные особенности грамматического строя языка, которые будут выявлены на материале основного источника, присущи языку рассматриваемого периода в целом. Сопоставление, даже самое беглое, – всего по нескольким грамматическим явлениям, – языка группы памятников, которые названы нами "дополнительными", с языком основного источника подтверждает справедливость выдвинутого выше тезиса о наибольшей близости языка переводов буддийской литературы к разговорному языку рассматриваемого периода. Для иллюстрации последнего положения приведу некоторые статистические данные.

Сравним частоту употребления ряда служебных слов в языке основного источника с частотой употребления тех же служебных слов в языке дополнительно привлеченных памятников. Для сравнения из основного источника взяты сутры "Бай-ий цзин" и "О царевиче Судане", поскольку каждая из них является самостоятельным законченным произведением. Из дополнительного источника взята часть текста "Записок о поисках духов" (цз.9-12) и отрывок из "Новой книги рассказов о современниках" (цз.2), приблизительно соответствующие по объему указанным выше сутрам.

²⁸ Об элементах разговорного языка в этом памятнике см. статью: 徐震培, “世說新語”里的晉宋人口語釋義, —“华东師大學報 (人文科學)”, 1957, № 3, стр.50-61.

Некоторые служебные слова образуют очень удобные для сопоставления пары: одно слово из пары, как правило, характерно для классического древнекитайского языка, другое – для языка более позднего времени. Такие пары образуют местоимения I-го лица 𠄎 "я" и 我 во "я"; для заместителя предикатива – 是 жань "так", "поступать таким образом" и 是 эр с теми же значениями; для показателя будущего времени перед глаголом – 將 цзян и 且 дан; для показателя побудительной конструкции – 使 ши и 令 лин и т.д. В памятниках рассматриваемого периода, как правило, встречаются оба слова, составляющие пару. В этом случае интересно бывает проследить за тем, в каких текстах из основных и дополнительных какое слово из пары встречается чаще.

Местоимения 我 во и 𠄎 у

В классическом древнекитайском языке (в котором в какой-то степени имела место синтаксическая соотнесенность каждого отдельного местоимения) в функции подлежащего чаще употреблялось местоимение 𠄎, а в функции послеглагольного дополнения – местоимение во. Впоследствии местоимение во вытеснило местоимение 𠄎, и последнее исчезло из живой речи. Обращаемся к текстам. В тексте сутры "Бай үй цзин" (обследована I-я цзюнь) местоимение во встретилось 73 раза, местоимение 𠄎 ни одного раза; в тексте "О царевиче Судане" местоимение во встретилось более 100 раз, местоимение 𠄎 – всего два раза, и при том оба раза в одном и том же сочетании, смысл которого не очень ясен. В "Записках о поисках духов" местоимение во встретилось 20 раз, местоимение 𠄎 – 15 раз. В "Новой книге рассказов о современниках" местоимение во встретилось 12 раз, местоимение 𠄎 – 3 раза. Полученные данные говорят о том, что в текстах основного источника фактически употребляется исключительно местоимение во, тогда как в тексте дополнительного источника местоимение 𠄎 продолжает употребляться наряду с употреблением во.

Заместители предикатива

是 эр и 然 жань

В классическом древнекитайском языке в функции замес-

тителя предикатива употреблялось слово жань, в языке рассматриваемого периода появилось слово эр. В тексте "Бай үй цзин" эр встретилось 26 раз, жань всего 8 раз. В тексте "О царевиче Судане" эр встретилось 5 раз, жань не встретилось ни разу. В "Записках о поисках духов" эр встретилось 2 раза, жань – 5 раз. В "Новой книге рассказов ..." эр встретилось 6 раз, жань – 8 раз.

Показатели будущего времени

且 дан и 將 цзян

В классическом древнекитайском в качестве показателя будущего времени перед глаголом употреблялось слово цзян, но уже с эпохи Хань в этой функции начало употребляться слово дан. В тексте "Бай үй цзин" дан в функции показателя будущего времени встретилось 13 раз, цзян в той же функции – 4 раза. В тексте "О царевиче Судане" дан встретилось 40 раз, цзян – 2 раза. В "Записках о поисках духов" дан встретилось 18 раз, цзян – 15 раз. В "Новой книге рассказов ..." дан встретилось 16 раз, цзян – 10 раз.

Показатели побудительной конструкции

令 лин и 使 ши

В классическом древнекитайском языке показателем побудительной конструкции выступало слово ши; начиная с текстов эпохи Хань в этой функции встречается слово лин. В тексте "Бай үй цзин" 11 раз употреблено лин и 24 раза ши. В тексте "О царевиче Судане" 24 раза употреблено лин и 12 раз ши. В "Записках о поисках духов" 15 раз употреблено лин и 20 раз ши. В "Новой книге рассказов ..." лин употреблено 3 раза, ши – 11 раз.

Цифры, полученные в результате сравнения нескольких пар служебных слов, говорят о том, что, как правило, более новое слово из пары в текстах основного источника встречается чаще, чем в текстах дополнительного источника. Старое же слово в текстах основного источника либо вовсе не встречается, либо встречается очень редко. Исключение составляет лишь употребление показателя побудительной конструкции в тексте сутры "Бай үй цзин".

Для большей наглядности предлагаю таблицу, в которую внесены данные сопоставления пар служебных слов:

Название памятника	<u>вс</u>	<u>у</u>	<u>эр</u>	<u>жань</u>	<u>лан</u>	<u>цзян</u>	<u>лин</u>	<u>ши</u>
сутра "Бай ий цзин" (цз. I)	73	-	26	8	13	4	11	24
сутра "О царевиче Судане"	более 100	2	5	-	40	2	24	12
"Записки о поисках духов" (цз. 9-12)	20	15	2	5	18	15	15	20
"Новая книга рас- сказов о ..." (цз. 2)	12	3	6	8	16	10	3	11

Не для всех служебных слов можно подобрать такие "удобные" для сравнения пары. Отдельные служебные слова - правда, таких очень немного - в языке рассматриваемого периода не имеют соответствия в древнекитайском языке, поскольку в последнем не было той грамматической категории, которую они выражают. Это относится, например, к связке ши. В древнекитайском языке не было настоящей именной связки, которая стояла бы между подлежащим и сказуемым, и именное предложение образовывалось путем непосредственного примыкания сказуемого к подлежащему. Кроме непосредственного примыкания именное предложение в древнекитайском языке могло образоваться с помощью морфем: вэй, жай, эр цзи и, наконец, с помощью чжэ (после подлежащего) и е (после сказуемого). Ни одна из перечисленных морфем не является такой связкой, которую можно было бы сопоставить со связкой ши. Так, морфема вэй в значительной степени носит характер обычного глагола, по значению сближаясь иногда с ши, а иногда с цзо "делать", "становиться"; най и цизи являются словами-ограничителями и по значению близки к жэ 是 цзюши "именно"²⁹;

29 См. Люй Шу - ся н, Очерк грамматики..., стр. 133.

чжэ и е передают модальные оттенки. В именном предложении каждая из этих морфем в известной степени выполняет роль связки. В языке рассматриваемого периода появились и стали широко употребляться именные предложения со связкой ши. Однако еще нельзя сказать, что употребление связки в языке рассматриваемого периода стало абсолютно регулярным, т.е. таким, когда именное предложение не может существовать без связки. В памятниках рассматриваемого периода еще довольно часто встречаются именные предложения, образованные путем непосредственного примыкания сказуемого к подлежащему, а также с помощью морфем вэй, най, цизи, чжэ и е. Для такого случая интересно путем сопоставления текстов выяснить, в каких памятниках чаще встречаются связочные именные предложения, в каких - именные предложения без связки с морфемами вэй, най, цизи, а также чжэ и е.

Оказывается, что в сутре "Бай ий цзин" 14 раз встретилось именное предложение, образованное с помощью связки ши, 5 раз посредством морфемы вэй и только один раз - путем простого примыкания сказуемого к подлежащему. В тексте "О царевиче Судане" 11 раз встретилось именное предложение со связкой ши, 5 раз - с морфемой вэй и один раз - образованное простым примыканием. В "Записках о поисках духов" именное предложение со связкой ши встретилось 10 раз, с морфемой вэй - 25 раз, с морфемами чжэ и е (сюда же включены случаи, когда в предложении одновременно присутствуют чжэ и е) - 24 раза, с морфемой най - 2 раза и с морфемой цизи - один раз. В "Новой книге рассказов ..." 11 раз встретилось именное предложение, содержащее связку ши, 11 раз - образованное при помощи морфемы вэй, 2 раза - с морфемой цизи и один раз - с морфемой най; 2 раза встретилось именное предложение, образованное путем простого примыкания.

Отсюда видно, что в текстах основного источника предложения именные со связкой ши встречаются гораздо чаще, чем бессвязочные именные предложения и именные предложения, образованные с помощью морфем: вэй, най, цизи, чжэ и е; в текстах же дополнительного источника, наоборот, гораздо больше случаев приходится на именные предложения, образованные пу-

тем непосредственного примыкания сказуемого к подлежащему.

Далее, некоторые служебные слова в языке рассматриваемого периода приобрели новые функции или значения, которых у них не было в классическом древнекитайском языке и которые (и что особенно интересно) сохранились у этих слов в современном китайском языке. Сказанное относится к местоимению но та и к наречию ду.

В классическом древнекитайском языке та было указательным местоимением; оно могло выступать в функции определения к другому существительному и тогда имело значение "другой"; а кроме того, оно могло употребляться самостоятельно; в последнем случае та заменяло название абстрактного понятия и значило "нечто другое".

В языке рассматриваемого периода местоимение та приобрело новые свойства – оно стало указывать на лицо, хотя еще и неопределенное. В функции дополнения та значит "другой человек", "кто-то", а в функции определения оно получает притяжательное значение. Такое та мы называем "неопределенно-личным". Кроме того, в отдельных, хотя еще очень редких случаях в языке рассматриваемого периода местоимение та представляет собой уже настоящее личное местоимение. Наряду с этим в рассматриваемый период та употребляется и в своем старом значении. При этом примеры на "неопределенно-личное" та, а также те единичные случаи, когда та представляет собой настоящее личное местоимение, встречаются исключительно в текстах основного источника. Употребление же местоимения та в указательном значении в текстах основного источника ограничено, во-первых, только функцией определения перед существительным и, во-вторых, небольшим числом существительных, при которых та может выступать в функции определения (это слова с общим значением, вроде 人 жэнь "человек", 国 го "государство" и т.д.). Что же касается текстов дополнительного источника, то та употребляется в них исключительно как указательное местоимение.

В памятниках рассматриваемого периода часто встречается наречие ду. Наиболее обычным значением этого наречия

является "вовсе", "совсем", "абсолютно". Однако в языке рассматриваемого периода у ду уже появляется и другое значение – наречие ду ставится перед глаголом, когда надо подчеркнуть, что действие, выраженное сказуемым, распространяется на все подлежащее (или дополнение). Это значение сохраняется у наречия ду и в современном китайском языке. В последнем значении ду встречается только в буддийских текстах, т.е. только в основном источнике. В текстах "Новой книги рассказов ..." и в "Записках о поисках духов" наречие ду употребляется исключительно в значении "совсем", "абсолютно".

Итак, с одной стороны, отдельные новые грамматические явления китайского языка III–V вв. зарегистрированы только в текстах основного источника и в других памятниках этого периода почти не встречаются. С другой стороны, совсем не встречаются в текстах основного источника некоторые грамматические явления, характерные для классического древнекитайского языка, которыми изобилуют тексты дополнительного источника. Так, например, в текстах дополнительного источника, особенно в "Новой книге рассказов ...", очень часто встречается показатель прошедшего времени 曾 чан перед глаголом. В текстах основного же источника отдельно чан вовсе не встречается в этой функции, и только иногда его можно встретить в составе отрицания 未 曾 вэйчан. В текстах дополнительного источника 且 цзянь перед глаголом иногда еще сохраняет значение показателя страдательного залога; в текстах же основного источника оно уже окончательно утратило залоговое значение и превратилось в местоименное дополнение, которое стоит перед глаголом и указывает, что действие направлено на первое лицо.

Список примеров подобного рода можно было бы продолжить.

X X
X

Сопоставление грамматических особенностей языка основного и дополнительного источников показало, что грамматические явления, отмеченные в произведениях буддийской литературы

туры, не есть особенность, присущая только данной группе памятников. Они встречаются и в других памятниках, создававшихся в тот же период. Однако в переводах произведений буддийской литературы они встречаются гораздо чаще³⁰. Это значит, что описание грамматических особенностей языка, построенное на материале переводов произведений буддийской литературы, взятых в качестве основного источника, с привлечением материалов других памятников этого периода как дополнительного источника, является, по сути дела, описанием основных грамматических особенностей языка рассматриваемого периода в целом.

Главное место в описании грамматических особенностей языка рассматриваемого периода занимает описание служебных слов, включая местоимения, а также наиболее интересных вопросов синтаксиса и словообразования. Что же касается важнейших грамматических конструкций, то они в общем одинаковы для любой эпохи в истории китайского языка, поэтому им в работе уделено меньше внимания.

³⁰ Аналогичное утверждение мы находим в статье А.Масперо (см. Н.М. а з р е г о, "Sur quelques textes ..."), там оно относится к памятникам танского времени: лучшие образцы разговорного языка, по мнению Масперо, – это записи речей и бесед буддийских монахов. Большинство наиболее характерных конструкций разговорного языка, выявленных на материале буддийских источников, обнаружены (в меньшей концентрации) также в памятниках светской литературы. В последних разговорные конструкции встречаются главным образом в диалогах.